

Эвелина Шац

Множимость я, или Мультивидуум

1. Над всем Шекспир

Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Гаврила Державин

Мистификации и Игры

Я инок я клоун
бродяга и шут
я гений луны
поэт я и плут

Я дервиш я старец
я обердада
арлекин я и принц
из страны Никуда

э. ш.

Несметноликий – называл его Колридж.

Главное открытие Шекспира – существование многих правд – не только правды поэзии и правды трагедии, правды комедии

и правды преступления, но разных правд разных людей, то есть множественности самой правды.

Шекспир сам состоит из разных правд. К тому же каждая эпоха вкладывает в него нечто свое. Так можно говорить о разновременных Шекспирах. Есть ренессансный, барочный, маньеристский, романтический, реалистический, модернистский, а был еще, так у И. Гарина, средневековый, елизаветинский, всецело принадлежавший своему времени. Шекспир магический, Шекспир снов и ужасов, фарсов и фикций, фантомов и фанатов. Шекспир – шутовского хора масок, юродивых и кикимор.

Беккет-Шекспир ожидания Годо и тышлеровский Шекспир выставочных залов, вагнеровский Шекспир огромных байрейтовых действий и вердианских опер бесконечной вереницы мировых сцен и арен.

А сколько заимствованных у Шекспира аналогий, мотивов, образов, элементов фабулы. Несколько примеров: рассказы Тургенева «Степной король Лир» и «Гамлет Щигровского уезда», «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова и... Шостаковича. Многочисленны пародийные использования шекспировских мотивов в публицистике, в политической сатире, в литературной полемике. Постоянно исследуется шекспировский код поэтики Пастернака, Цветаевой, Ахматовой и др.

Многомерное время

А вот что пишет Мандельштам о Хлебникове: «...Хлебников мыслил язык, как государство, но отнюдь не в пространстве, не географически, а во времени... Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии». Он сам – мультимир, подобно Данте или Леонардо, Йозефу Бойсу или Олегу Кулику.

Так господство вечного творения уничтожает злобу дня, подтверждая процесс отчуждения текста в процессе творения. Сценическое пространство текста лишено рампы: позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед

ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют, текст – это то неделимое око, о котором говорит поэт в семнадцатом веке (Ангелус Силезиус) или Толстой в России: «Глаз, коим я взираю на Бога, есть тот же самый глаз, коим он взирает на меня». Это похоже на концертный зал: свет освещает одинаково оркестр и партер, на который проливается сценическое пространство.

Поэтому искусство, особенно сегодня, театрально по самой сути, а художник – это тот, кто средствами своего искусства (любое из них с поправкой на его природу можно сделать театром) наибольшей многоликостью сумеет выразить себя, или, другими словами, – то, что чувствует каждое из его Я, и размножение их в среде выражаемого. В среде и во времени, которое у него тоже многолико, приобретает дополнительные измерения. Каждый персонаж и все отношения у Шекспира многомерны во времени. Они означают сегодня одно, но если выйти за черту настоящего, если удлинить временную перспективу, они же могут означать отнюдь иное. Сегодня доминирует Яго. Но Отелло или Дездемона со всей их стихией прорывают настоящее – они обогащают трагедию будущим. Где ждет нас Гамлет. На каждой ступени этого будущего. Из всех героев Шекспира только Гамлет мог бы написать шекспировские произведения.

Протеизм и эвристика

Против убожества черни, бесовства массовости он развернул космический щит своего несметноликого Я, размноженного вечнотворящимися, говорящими двадцатью тысячами слов героями, на сцене его самого, Шекспира, ищущего себя по трем черепам. Потому что загадка Шекспира существовала уже и для самого Шекспира. Как и для всякого мыслящего человека. Потому что мыслить – это и значит спрашивать себя: кто я? При этом не только умножение, но и растворение единственного, неповторимого шекспировского Я в сонме характеров, порожденных его воображением, являло другой аспект органичности подлинно творческого акта.

Сам Творец, единый Бог – Elohim, значит множественный по форме и по проявлениям, но единый по сути. И с множеством имен. Все великие творцы – протеичны и эвристичны.

Эвристика является стратегией выбора самого быстрого решительного и неповторимого решения, эвристические методы и принципы наталкивают на поиск и использование нетривиальных шагов. Принципиальная междисциплинарность характерна этой уникальной сфере.

Уже в знаменитом и спорном отрывке из «Поэтики» Аристотель советует актеру на сцене претворяться по мере действия в каждый свой персонаж, чтобы выразить все страсти представления как можно убедительнее.

Протеизм Шекспира, означающий склонность индивида к экспериментам над собой, принадлежит 20 веку. Еще в 1970-е гг. психологи отметили появление протеического типа личности, сочетающей в себе свойства разных индивидов. Это не шизофренически расколота, а богатая, многогодовая, многосамостная личность, мультивидуум, которому тесно в рамках одного Я. Собственно, эта множимость Я, многосамие, всегда наблюдалась в актах художественного творчества, когда личность условно, на сцене или в тексте, перевоплощалась в других. Я противоречу себе? Прекрасно, значит, я противоречив. Я велик, меня – миллионы, multitude (Уолт Уитмен).

Итак – подобный мне, который суть Все и Ничего. Everything and Nothing (Луис Борхес).

Быть или Не Быть. Я или не Я.

Сказать Я это уже различие (У.Б. Йейтс).

Мультигеографичность

Может оно обитать и различные географии.

«Годы жизни Владимира Друка неизвестны, – пишет поэт Виктор Коркия. – Три государства – Россия, США и Израиль – ревниво оберегают эту тайну, которую каждое из них считает своей государственной тайной. И тот факт, что она известна

не только самому Друку, но и всем остальным, включая алеутов, эскимосов, пигмеев и печенегов, не делает ее менее таинственной.

чем более я
тем менее я
тем не менее – я

Эти строки Друка – не что иное, как обобщение всеобщей частности до частной всеобщности.

кто если не я?
я если не я!

Гений сначала ищет выход, а потом уже называет его входом», – завершает свою мысль Коркия.

Лучистое человечество

Может быть, дети индиго или дети-кристаллы и являются предшественниками нового ноосферного времени Вернадского. Дети индиго, но куда они спешат? Разве мудрость может быть торпливой? Их будущее не наступило.

Диапазон электромагнитных колебаний, исходящих от тела индиго, втрое больше, чем у обычного человека. Генетики считают, что все дело в геноме. Новая раса отличается от нас своим генетическим кодом. Молекула ДНК содержит в себе 64 кодона. У индиго включены 35 и более кодонов – единиц генетической информации, зашифрованной в молекуле ДНК. У обычных людей работают 20 кодонов. Очевидно, что «спящие» 44 кодона из 64 – это резерв. И если они «просыпаются», человек обретает новые качества.

Не говорил ли уже Циолковский в беседе с Чижевским:

«И вот, когда разум (или материя) узнает все, само существование отдельных индивидов и материального или корпускулярного мира он сочтет ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть в то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Космос превратится в великое совершенство».

2. Многочисленное эхо зеркал

Жиль Делёз

Пластика перевоплощения, или Бал-маскарад гетеронимов

Вся толпа Эв

Жила-была Эва. Она родилась в Одессе, поэтому ее было так много внутри, что когда она выходила из себя, образовывалась целая толпа. Все вышедшие Эвы тут же принимались читать стихи и беседовать друг с другом об искусстве. У Эвы был рыцарь. Он не умел выходить из себя толпой и очень терялся, пытаясь одновременно ухаживать за каждой Эвой в отдельности. При этом терялся рыцарь настолько самозабвенно, что порой вся толпа вынуждена была его долго искать.

А. Голованова. «Жили-были», сказки

Пожалуй, человек меньше всего бывает самим собой, когда он говорит от себя. Дайте ему маску, и он станет правдивым. Мы бредем сквозь самих себя, встречая призраков, преступников, братьев по духу, кровных врагов, но всякий раз встречаем самих себя. Подобно Гойе в портретах, в которых его Я просачивается сквозь историю.

«Занятно было бы почувствовать себя двумя королями сразу (не единой душой их обоих, а напротив, двумя разными душами)», – писал португалец Фернандо Пессоа. Кроме португальского он писал на английском, французском, латинском и других языках под несколькими десятками придуманных им литературных масок-гетеронимов, из которых наиболее известны Алваро де Кампос, Алберто Казейро, Риккардо Рейс. На основе биографии и произведений поэта написаны романы «Год смерти Риккардо Рейса» Жозе Сарамаго и «Три последних дня Фернандо Пессоа» Антонио Табуки. А в новом романе Сарамаго сталкивает героев-авторов Борхеса и Пессоа. Так размножилось Я великого португальца. История гласит, что накануне или после смерти он предстал перед Господом и обратился к нему со словами: «Я, бывший все столькими людьми, хочу стать одним – Собой». И глаз Творца ответил ему из бури: «Я тоже не я: я выдумал этот мир, как ты свои созданья, Шекспир – мой, и один из призраков моего сна – ты».

Он всю жизнь думал о своем родном португальском как о наречии иностранном. Тут же возникают параллели такому инотерриториальному существованию с его языком в языке: Гейне, Конрад, Ницше, Кафка, Борхес, Набоков, позже Беккет и Бродский, Милош и Целан, Пас и Уолкотт, Айги и Шац, вечные изгнанники в реальности и воображении, в строе мысли и складе речи. Помните у Мандельштама, «Памяти А. Белого», – «пространств инакомерных норы»? Кстати, не кротовые ли норы – некие тоннели в пространстве-времени antiliteram предположил с Эйнштейном-Розеном наш поэт?

Кто-то размышляет не напрасно: Но может быть, язык литературы житейскому лексикону и академическому словарю – вообще всего лишь омоним? Или шифр какого-то нездешнего наречия, криптограмма, смысл которой надо по иным правилам читать и иначе понимать?

ведь зазеркалий много на краю
неокоемной ойкумены

э. ш.

Козьма Прутков и богатый маскарами небосклон русского символизма. Обэриут Даниил Хармс, Чармс, Шардан, ДСН, а в действительности Даниил Ювачев. Ромэн Гари́, настоящее имя Роман Кацев – французский писатель российского происхождения, литературный мистификатор, кинорежиссер, военный, дипломат. Другие псевдонимы: Эмиль Ажар, Шатан Бога, Фоско Синибальди. Дважды лауреат Гонкуровской премии (один раз под именем Эмиля Ажара).

Эмманюэль Левинас в своем эссе памяти Пауля Целана, анаграмма Пауля Анчела, утверждал, что ни сознание, ни язык невозможны без Другого, и что поэзия – путь к этому Другому. Иначе откуда и зачем язык? Для чего и к кому бы на нем обращаться? Неутолимая, ни с чем не соразмерная жажда быть собой и другим. Так маски съезжаются на бал-маскарад настойчивых многомерных Я, этакий непростой междусобойчик или просто шабаш поэзии. Биографий у поэтов не бывает. Их биография – поэзия. Вот и гуляют. Калейдоскоп личностей, маскарад выступающих, пишущих, воюющих, творящих каждый свое в едином творческом организме автора.

Умножая маски и ремесла
Я – вымысел или не вымысел совсем.
Но Боже мой, как многочисленно оно.
Сему весьма нещедрому вручаю миру
Я мое, которое изобретаю неизменно
и снова обновляю вопреки
в том мире, что для меня суть степь=библиотека
а книга в той степи – шатер и дом, и Витториале
где счастливо читаю стихи Мальро:
Хотелось бы Д'Анунцио мне быть или ничем

э. ш., вариации с итальянского

Говорил Чижевский: «Мои стихи вы знаете. В них я кое-что сказал о космическом смысле материи». Парафразируя ученого, хотелось бы пригласить познакомиться с моей поэзией, где много раз я обращаюсь к теме этого текста.

«Нет, друг мой, Вы не забавлялись мистификациями и не раздирались внутренними противоречиями. Вы были наделены высшей и самой пагубной сложностью, проистекавшей от ощущения пустоты в душе и в мире. Вы не были певцом Ничего – напротив, предметом и сущностью Вашей поэзии было Все, безмерный избыток Всего, трагическое осознание бесконечного множества вероятностей, которому не противоречила вера в Судьбу», – так писал в письме к Фернандо Пессоа Жоржи Де Сена.

Марсель Дюшан

Смерть автора или гиперавторство: риск или провокация

Ныне человек за свою жизнь пронесется сквозь многочисленные модусы стремительно меняющегося мира. Соответственно, мобильность стала почти необходимым качеством выживания.

Мобильность не только географическая, но и половая, интердисциплинарная, итертекстуальная.

По своим половым признакам огромное число родов деятельности внутри изобразительного искусства не относятся к изобразительному искусству. Перформанс практически относится к театральному роду деятельности, видео смыкается с клипами и перформансами.

Оказалось, что автор – это не текст, автор – это больше, чем текст. То есть максима *автор умирает в тексте* заменилась на *текст умирает в авторе*. И текст стал частным случаем авторского проявления в обществе и в культуре. Он многомерен и проявляется в номадологической ризоморфной среде.

Такие художники, как Кокто, Пазолини или молодой Евгений Понасенков (в семидесятых пошла волна рождений детей индиго), которые перемещаются из изобразительного искусства в литературу, поэзию, театр, кино, из любви гетеро в гомо. Отцы и деды – омовозлюбленные. Иногда это – макабрная пляска несогласных между собой, взбесившихся Я, страдающих друг от друга: Гайд и Джеккил. Но чаще, когда страдает один, другому весело.

Лично я меряю, как платья, истории, которые живописую. Так рождаются Автобиографические потешки, где я меняю свои биографии, будто играю в площадном театре масок. Развлекая себя в первую очередь. Мой шестикнижный Канцоньере – адресная книга поэзии, но множество читателей читают ее как обращение: это – им, это – о них.

Многообразие Я – творящего и я – воспринимающего создают новую текстуру, тот самый концертный зал, где сценическое пространство сливается с пространством зрительным, с ипостасью наблюдателя.

И что происходит? Не вставая с кресла, наш наблюдатель включает экран (телевизора), переключается с канала на канал и руководит таким образом зрелищем, умножая заданный текст. «Кино же уходит в информационное пространство, которое тоже множится, включает в себя не только звук, не только изображение, но и все богатство других информационных технологий. Эти технологии перестанут быть только информационными, но ста-

нут и эстетическими, и креативными, и еще какими-то – какими, мы даже представить себе пока не можем» (Питер Гринуэй).

Итак, наступает смерть автора, стирание подписи, о которой писали Р. Барт, М. Фуко и их бесчисленные последователи, ни разу, между прочим, не отказавшись от своей подписи и от включения очередного смертного приговора в список своих авторских публикаций... На самом деле это не конец, а начало новой эпохи гиперавторства, размножения авторских и персонажных личностей, странствующих по виртуальным мирам и мультиверсу.

Так композитор-философ В. Мартынов пишет замечательную книгу-трактат «Конец времени композитора». Мартынов констатирует, что мы живем в мире, в котором объявлено о смерти Бога, крушении Космоса и конце Истории. Но...

От Эверетта до постмодерна

После того как Хью Эверетт сделал многомирие физическим объектом, Мультиверсом, неизбежно встал вопрос о месте Сознания при таком рассмотрении Бытия. И оказалось, что ни отделить индивидуальное Я от мультиверса, ни понять его многомирия, существование в рамках прежних представлений о личности наблюдателя, не представляется возможным. Слову не дано быть точным – остается быть дерзким, мультиобразным.

А вот и попытка понять, разобраться поэта пост-абсурда Михаила Вяткина (он же Хамиил Тьякин, Человек Пространства, Мишон Домà):

Я Должен Был Понять Принципиальную Разницу Между Поэтом Пушкиным И Поэтом Пушкиным Понять Разницу Между Русланом И Людмилой И Русланом И Людмилой

.....

Разницу Между Самим Собой И Самим Собой.....

.....

А Потом..... Наслаждаться Радостью Этого Понимания

По предположению физика Хью Эверетта, в каждый квантовый момент своей эволюции вселенная делится надвое, как дорога, проходящая через развилку: на месте одной вселенной образуются две. Каждый квантовый переход – в любой звезде, галактике, в любом уголке вселенной – расщепляет наш мир на мириады квази-копий. Это мироветвление не имеет конца и совершается в точках возникающих возможностей. Все, что может случиться, где-то случается.

«Человек постепенно перерождается – из жалкого просителя он становится в воинственную позу и начинает требовать: дескать, выкладывай, мать-природа, всю истину. Так заявляет о себе новая космическая эра», – предвосхищает К. Циолковский.

Стивен Хокинг трактует вселенную как квантовую частицу, которая с разной вероятностью пребывает в бесконечном множестве состояний, образуя мириады возможных миров, из которых наш является лишь наиболее возможным: эдакая перманентная креативная подвижность. Разумеется, его подход отличается нетрадиционностью и новизной для космологии и допускает, например, существование многих начал, в отличие от принятого до сего мнения, что у Вселенной одно начало.

Мироздание – мультиверсум: не то, что есть, а совокупность всего, что может быть. Хотя вселенных бесконечное множество, и тело данного индивида пребывает лишь в одной из них, то, что мы называем мыслью и особенно душой, возможно, объединяет всех его двойников в этих бесчисленных со-мирах.

«Объяснить возможно даже то, чего мы не знаем», – говорил Циолковский Чижевскому.

Подобно тому, как одна и та же информация может передаваться в виде записи от руки, печатного текста, устной речи, двоичного цифрового кода, аналоговой проекции и светового луча, так любой индивид, любой вид существования сможет пресуществоваться, менять свою форму, создавать множественные варианты себя. Все формы существования становятся более пластичными, множимыми, включая полиморфность человеческого тела.

От транс-арт до космо-арт

Знаменитый(-я) трансформист Орлан уже с 60-х годов продолжает свою неутомимую разработку с натуры своей женской идентичности, где бесконечная серия открытых пластических операций становится – трагический перформанс, видеообъект, транс-арт, следуя за диктатом стремительно переменчивых вкусов цивилизации, которая стоит на дворе. Я встретила ее (его) на одной из биеннале в Венеции, и беседуя с ней, понимала, что я говорю не с пришельцем, а с художником нового толка, решившегося, кажется, на предельный на все времена перформанс по самопроизводству супернового человека.

Но вопрос остается: по-прежнему ли искусство продолжает быть существенным, необходимым способом совершения истины, решающим для нашего исторического здесь-бытия, или же искусство перестало быть таким способом?

Что станет с ним, если уже Фридрих Ницше (1844-1900), философ, поэт, филолог и композитор, говорил, что культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом. Уже в 19 веке новой литературе был свойствен особого рода синкретизм, который стирает грани между наукой и искусством, одухотворяет пластический образ и создает тип книги, который... может быть назван интеллектуальным романом. М. Эпштейн своеобразные труды Ницше и его последователей остроумно назвал интегральной словесностью. Не рождается ли сегодня некая новая форма интегрального искусства? Пост-искусства?

Со временем, вероятно, мы научимся создавать произведения не только изобразительного или музыкального, или парфюмерного искусства, но обращенные сразу ко всем органам чувств (включая осязание) – столь же универсальные по своей чувственной палитре, как и сама реальность. Музей станет полисенсоральным. Физика, а сегодня это уже скорее снова метафизика, – не просто изучение структуры материального мира, но изучение законов той фантазии, мастерства, композиции, образности, пластического языка, того божественного космо-арта, которые создали этот мир как произведение универсального искусства.

Творчески сильная, вдохновенная личность сможет населять целые миры своими множимыми «я». Тогда все искусство прошлого и настоящего будет осмыслено как условно-знаковое предварение многомерного бытия мультивидуума.

Расщепление, или множимость Я, в котором – суть гетеронимии, вызывает взрыв скрытых творческих сил. Настоящая пустыня – это наше изначальное «я», и не только потому, что в себе мы замурованы, как в застенке, и обречены жить один на один с собственным призраком, но и потому, что оно сушит и мертвит все, чего коснется.

путешествуя в себя
никуда не придешь
надо лететь над собой
как птица

Милан